

ПОВЕСТЬ О ГОРЕ- ЗЛОЧАСТИИ

ИЗДАНИЕ ПОДГОТОВИЛИ
Д. С. ЛИХАЧЕВ, Е. И. ВАНЕЕВА

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1985

Д. С. Л и х а ч е в

ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА В ПРЕДСТАВЛЕНИИ НЕИЗВЕСТНОГО АВТОРА XVII ВЕКА

«Повесть о Горе-Злочасти, как Горе-Злочастие довело молодца во иноческий чин» была обнаружена в 1856 г. акад. А. Н. Пыпиным среди рукописей собрания М. Погодина в Публичной библиотеке в Петербурге. Им был найден рукописный сборник первой половины XVIII в., в котором среди других произведений оказалась и «Повесть».

«Повесть о Горе-Злочасти» — произведение, которое по своей теме занимает как бы срединное положение в русской литературе: оно соединяет в себе тематику древнерусскую с тематикой новой русской литературы, тематику народного творчества и письменности, оно трагично и вместе с тем принадлежит народной смеховой культуре. Сохранившаяся в одном списке и как бы малозаметная, она тем не менее тонкими нитями связана и с «Молением» Даниила Заточника XII в. и с произведениями Достоевского, со «Словом о Хмеле» и с произведениями Гоголя, с «Повестью о Фоме и Ереме» и с «Петербургом» Андрея Белого. Она как бы стоит над своим временем, затрагивает «вечные» темы человеческой жизни и судьбы, а вместе с тем типична именно для XVII в.

Написанная неизвестным автором, неизвестного происхождения, она внедрена в свою эпоху, в «бунташный» XVII век и вместе с тем выбивается из нее, решает судьбы русского человека и человеческой судьбы в целом.

Ее автор как бы смотрит сверху философским взглядом на обездоленного человека, на его судьбу — с иронией и жалостью, с осуждением и сочувствием, считает его виновным в своей гибели и вместе с тем как бы обреченным и ни в чем не виноватым.

Во всех своих противоречиях повесть выказывает свою исключительность, а автор — свою гениальность. Он гениален потому, что сам не до конца осознает значительность им написанного, а повесть, им созданная, допускает различные интерпретации, вызывает различные настроения, «играет» — как играет гранями драгоценный камень.

* * *

Все в этой повести было ново и непривычно для традиций древней русской литературы: народный стих, народный язык, необычайный безымянный герой, высокое сознание человеческой личности, хотя бы и до-

шедшей до последних степеней падения. В повести сильнее, чем во многих других произведениях второй половины XVII в., проявлялось новое мироощущение. Неудивительно, что уже первые исследователи этой повести резко разошлись в своих суждениях о самом ее происхождении.

Н. Костомаров восхищался как романтик «величавым тоном, грустно-поэтическим чувством, живостью образов, последовательностью и стройностью рассказа, прекрасным народным языком и неподдельными красотами оборотов юной, народной, неиссушенной школою речи». Однако этот исследователь назвал вновь найденное произведение «повестью» и отметил, что «философский тон и стройное изложение показывают в ней не чисто народное, а сочиненное произведение».¹

Ф. И. Буслаев видел в «Повести о Горе-Злочастии» духовный стих, несмотря на возражения Н. Г. Чернышевского, рассматривавшего ее как былинку;² А. В. Марков, пытаясь согласовать эти две точки зрения, характеризовал повесть как произведение, стоящее на грани между былинами и духовными стихами.³ Однако более убедительным и сейчас представляется мнение Н. И. Костомарова о том, что «Повесть о Горе-Злочастии» «не чисто народное, а сочиненное произведение». Отдельные стороны этого произведения, главным образом его фольклорные элементы, изучались также академиком А. Н. Веселовским, академиком Ф. Е. Коршем, профессором В. Ф. Ржигой и другими исследователями.⁴

По традиции, идущей от первого развернутого исследования «Повести о Горе-Злочастии» академика Ф. И. Буслаева,⁵ содержание повести долго рассматривалось в связи с наставительными религиозно-нравственными произведениями русского средневековья, и повесть считалась типичным выражением моральных заветов русской старины. Развивая эту мысль, позднейшие исследователи характеризовали героя повести как представителя нового времени, как борца против опеки семьи над личностью, против старого мировоззрения. Соответственно этому тема повести рисовалась как тема борьбы двух мировоззрений, двух поколений — «отцов и детей». Автор изображался защитником моральных норм прошлого. Это не совсем верно.

«Повесть о Горе-Злочастии» задумана в широком морально-философском плане, который раскрывается уже во вводной части. Рассказав без подчеркнутой морализации, скорее с некоторым участием, о грехопадении первых людей, изгнании их из рая и о «заповедях законных», которые дал им бог, отправив их на трудовую жизнь на земле, автор в общей формуле изображает, как с тех пор стало «зло племя человеческо» и как за это бог послал на него несчастья:

... положил их в напасти великия,
попустил на их скорби великия
и срамныя позоры немерныя,
безживотие (бедность. — Д. Л.) злое, сопостатныя находы,
злую немерную наготу и босоту,
и безконечную нищету и недостатки последние.

Дальнейшая биография молодца — типичный случай безотрадной жизни всего человеческого рода.

Были попытки расценить это введение к повести как позднейшее книжное добавление к выдержанному в народном духе рассказу о молодце. Однако идейная и стилистическая связь этого введения со всем остальным рассказом очевидна. Вводная часть повести так описывает преступление «злого человеческого племени» против «заповедей» божьих:

Ино зло племя человеческо,
в начале пошло непокорливо,
ко отцову учению зазорчиво,
к своей матери непокорливо
и к советному другу обманчиво.

Молодец изображается одним из представителей этого «злого», «непокорливого» «племени»:

... своему отцу стыдно покориться
и матери поклониться,
а хотел жити, как ему любо.

Разорившись, он прежде всего чувствует свою вину перед семьей, кается «добрым людям» в своем «ослушании»:

Стало срамно молодцу появиться
к своему отцу и матери
и к своему роду и племени,
и к своим прежним милым другом.

И тут появляется Горе-Злочастье, оно настигает молодца в ту минуту, когда он в отчаянии думает о смерти, напоминает ему первую его вину:

Спамятуй, молодец, житие свое первое,
и как тебе отец говорил,
и как тебе мати наказывала!
О чем тогда ты их не послушал,
не захотел ты им покориться,
постыдился им поклониться,
а хотел ты жить, как тебе любо есть.
А хто родителей своих на добро учения не слушает,
того выучю я, Горе злочастное.

И наконец «люди добрые перевощики», сжалившись над молодцом, дают ему единственный совет:

... простися ты с своими родители,
со отцем и материю,
возми от них благословение родителское.

«Блудный сын» возвращается «на свою сторону», но, измученный неотступным Горем, он, не дойдя до дому, спасается в монастырь. Таковы внешние события «Повести».

Вводная часть «Повести» распространяет судьбу молодца на судьбу всего человечества, на наказание людей.

Это наказание описано так:

И за то на них господь бог разгневался,
положил их в напасти великия,
попустил на них скорби великия...
злую немерную наготу и босоту,
и безконечную нищету и недостатки последние.

Судьба молодца и судьба всего человечества постоянно сопоставляются. Предисловие объясняет, что наказанием бог приводит людей на «спасеный путь»; и молодец «спамятует спасеный путь». Предисловие укоряет людей за то, что они «прямое смирение отринули»; и «добрые люди» учат молодца: «смирение ко всем имей». «Советного друга» рядом с отцом и матерью упоминает предисловие; разоренный молодец стыдится вернуться к семье и «к милым друзьям».

Это сопоставление явно выдает книжное, а не народно-песенное происхождение «Повести». Преобладающая в вводной части книжная речь не раз слышна и в самой повести, в его покаянных размышлениях, в наставлениях молодцу:

... не буди послух лжесвидетельству,
а зла не думай на отца и мать
и на всякого человека,
да и тебе покрывает бог от всякого зла...
... смирение ко всем имей и ты с кротостию,
держишься истинны с правдою, —
то тебе будет честь и хвала великая.

Книжны в повести отдельные выражения, выделяющиеся на общем фоне устно-поэтического языка: «порты драгия», «беззлобие», «прельщайся», «по божию попущению, а по действию дияволю», «жития сего» и т. д.

Итак, «Повесть о Горе-Злочастии» в том ее виде, какой она сохранила в единственном дошедшем до нас списке, представляет цельное книжное художественное произведение, все части которого нераздельно связаны единой мыслью о несчастной судьбе людей. Но по своей морали оно далеко отстает от традиционных наставлений церковной литературы своего времени.

История безымянного молодца, иллюстрирующая мысль о несчастной судьбе людского рода, открывается обстоятельными наставлениями, которые дают ему родители, когда «чадо» подросло и стало «в разуме». Из большого запаса моральных заветов средневековья автор «Повести» выбрал лишь те, которые обучают «чадо» обычной житейской мудрости, а иногда и просто практической сметке торговых людей, оставив в стороне обычные церковные требования благочестия, нищелюбия, строгого соблюдения церковных установлений. Нет этих религиозных наставлений и в «заповедях божих», которые сам бог дает первым людям, изгоняемым из рая. Моральные наставления и бытовые запреты учат молодца тому, чему учил сына и Домострой, резюмировавший в этом отношении

веками накопленные в «пословицах добрых, хитрых и мудрых» правила. Не только скромный, но «смиранный», покорный «другу и недругу», склоняющийся перед «старым и молодым», «вежливый» и не «спесивый», знающий свое «среднее место», молодец должен быть целомудренным, правдивым и честным («не збирай богатства неправого»), уметь находить «надежных» друзей среди «мудрых» и «разумных». Отдельные из этих советов напоминают и более древние, чем Домострой, древнерусские и переводные поучения родителей детям (начиная с поучения Ксенофонта и Феодоры в Изборнике Святослава (1076 г.), и «Повесть об Акире Премудром», стилистически иногда чрезвычайно близкую к «Повести о Горе-Злочастии» (например, в «Повести о Горе»: «... не садися ты на место большее» — Акир учит сына: «... пришед в пир, и ты не садись в большем месте»; «... не прельщайся, чадо, на добрых красных жен» — ср.: «... чадо, на женскую красоту не зри»; «... не бойся мудра, бойся глупа <...> не дружися, чадо, з глупыми, немудрыми» — ср.: «... чадо, лучше с умным великий камень поднять, нежели с безумным вино пити»; «... не буди послух лжесвидетельству» — ср.: «... лжи послух не буди» и т. д.).

Пространно изложенное в повести «родительское учение» имеет целью не спасение души молодца, как это обычно в средневековых церковных поучениях детям, а наставление его, как достигнуть житейского благополучия:

... послушай учения родителскаго,
ты послушай пословицы добрыя,
и хитрыя, и мудрыя,
не будет тебе нужды великия,
ты не будешь в бедности великой.

И в подборе бытовых советов молодцу много в сущности того, что не составляло специфической принадлежности только средневековой морали: родители учат сына не пить «двух чар за едину», не прельщаться на «добрых красных жен», т. е. на красивых замужних женщин.

Повесть не указывает, при каких обстоятельствах наставляли своего сына родители, но, судя по всему, можно думать, что родители напутствовали его к самостоятельной жизни вне родительского дома. Там, вне домашней опеки, молодец нажил себе «пятьдесят рублей» и «завел он себе пятьдесят друзей». Честь молодца как река текла, друзья прибывались к нему, навязываясь ему в род и в племя. Скоро объявился у молодца «мил надежен друг», прельстивший его речами прелестными, зазвавший его на кабацкий двор и в конце концов до нага обокравший его во время сна:

... чары (башмаки. — Д. Л.) и чулочки — все поснимано,
рубашка и портки — все слуплено,
и вся собина у его ограблена,
а кирпичек положен под буйну его голову,
а накинута гункою кабацкою,
в ногах у него лежат лапотки-отопочки,
в головах мила друга и близко нет.

В этом первом столкновении с жизнью молодец на собственном опыте убедился, что значит слушаться практических наставлений своих родителей:

Как не стало денги, ни полуденги,
так не стало ни друга, не полдруга;
род и племя отчитаются,
все дружи прочь отпираются!
Стало срамно молотцу появиться
к своему отцу и матери.

Пошел молодец от стыда на чужую сторону, попал там на «честей пир»:

Как будет пир на веселие,
и все на пиру гости пьяны, веселы,
и сидя все похваляютца,
молодец на пиру невесел сedit,
кручиноват, скорбен, нерадостен.

Спрошенный о причине своей скорби, молодец рассказал «добрым людям» про свое «ослушание родительское» и спрашивает их совета:

Государь вы, люди добрыя!
Скажите и научите, как мне жить
на чужой стороне, в чужих людех,
и как залести мне милых друзей?

И снова, как и родители молодца, добрые люди охотно дают ему практические советы, как достичь житейского благополучия:

Добро[й] еси ты и разумной молодец!
Не буди ты спесив на чужой стороне,
покорися ты другу и недругу,
поклонися стару и молоду,
а чужих ты дел не объявляй,
а что слышишь или видишь, не сказывай,
не лсти ты межь други и недруги,
не имей ты упатки вилавья...
...и учнут тя чтить и жаловать
за твою правду великую,
за твое смирение и за вежество,
и будут у тебя милыя други —
названья братья надежныя.

Послушно исполняет молодец советы добрых людей; начал жить умеючи и наживал добра больше прежнего, присмотрел себе невесту по обычаю. Но житейское благополучие не давалось молодцу. Он снова нарушил житейские правила, похвалившись богатством на пиру перед «любовными своими гостми и други названными браты»:

А всегда гнило слово похвальное,
похвала живет человеку пагуба.

Снова посыпались на молодца несчастья, снова пропил он свое богатство, скинул купеческое платье и надел «гуньку кабацкую»:

Стало молодцу срамно появиться
своим милым другом.

И снова побрел молодец в неизвестную «чужу страну, дальну, незнаему». Дошел он до быстрой реки, за рекою перевозчики просят с него денег за перевоз. Денег у молодца не оказалось; три дня сидел молодец на берегу реки, «не едал молодец ни полу-куса хлеба» и, наконец, решил покончить жизнь самоубийством:

Ино кинусь я, молодец, в быстру реку,
полощь мое тело, быстра река,
ино еште, рыбы, мое тело белое!
Ино лутчи мне жития сего позорного.

И вот тут снова появляется в «Повести» главный персонаж — Горе-Злочастье. Поразительно рельефен внешний портрет этого Горя:

И в тот час у быстри реки
скоча Горе из-за камени:
босо, наго, нет на Горе ни ниточки,
еще лычком Горе подпоясано,
богатырским голосом воскликано:
«Стой ты, молодец,
меня, Горя, не уйдеш никуды!
Не мечися в быстру реку,
да не буди в горе кручиноват, —
а в горе жить — некручинну быть,
а кручину в горе погинути!»

Послушал молодец Горя, как слушал перед этим своих родителей и добрых людей, поклонился ему до земли и запел веселую припевочку. Услыхали его перевозчики, перевезли на ту сторону реки, напоили, накормили, снабдили крестьянскими портами и напутствовали советом:

А что еси ты, доброй молодец,
ты поди на свою сторону,
к любимым честным своим родителем.

Молодец послушался и этого совета, но Горе неотступно привязалось к нему, и молодец кончает тем, что уходит в монастырь, отказавшись от всяких попыток устроить себе внешнее благополучие в жизни.

Итак, мы видим, что назидательная часть повести складывается из чисто практических житейских наставлений. Мораль эта ни стара, ни нова, и молодец нарушает ее не потому, что хочет жить самостоятельно, а по безволию и «неразумию». Молодец не новый для своего времени человек, ему нечего противопоставить житейскому опыту своих родителей. В нем нет ни практической хитрости, ни пытливей любознатель-

ности, ни предприимчивости, ни даже желания перечить окружающим. Он пассивно следует советам своих случайных друзей и покидает своих родителей, так как был

в то время се мал и глуп,
не в полном разуме и несовершен разумом.

Он не возвращается в родительский дом только потому, что стыдится своей босоты и наготы:

Стало срамно молотцу появиться
к своему отцу и матери,
и к своему роду и племяни.

Он не знает, куда он идет и чего он хочет. Он бредет куда глаза глядят, — в страну «чужую, незнаемую». Его обманывают друзья, названный брат спойл его и ограбил. Он собрался жениться, но побоялся и запил, пропив все, что имел. Он слушает и добрых и злых; живет и по-умному, наживая добро, живет и по-глупому, проживая с себя все до нитки. Пьянство молодца — это, по выражению Ф. И. Буслаева, то «кроткое пьянство», которое так характерно для безвольного человека, доброгo от природы, но уступчивого к разврату. По натуре своей он не способен ни на активное добро, ни на активное зло. Когда Горе нашептывает ему соблазны заняться грабежом, он пугается и уходит в монастырь, но не по обычаю старины, не для спасения души, а чтобы избыть горе, потому что нет сил ни жить, ни кончить самоубийством. Он точно тяготится своею свободою, стыдится своей «позорной» жизни, смиренно слушает советов добрых людей и, не находя себе применения, бредет без цели, без сильных желаний, покорно повинуюсь превратностям жизни.

Молодец представлен в повести жертвой своей собственной судьбы. И эта судьба молодца, персонифицированная как Горе-Злочастье, — центральный, поразительно сильный образ повести. Исследование народных представлений о «судьбе-доле» показало, что представления родового общества об общей родовой, прирожденной судьбе, возникающие в связи с культом предков, сменяются в новых условиях, с развитием индивидуализма, идеей личной судьбы — судьбы, индивидуально присущей тому или иному человеку, судьбы не прирожденной, но как бы навеянной со стороны, в характере которой повинен сам ее носитель.

В русской книжности XI—XVI вв. отразились по преимуществу пережитки идей прирожденной судьбы, судьбы рода. Это родовое представление о судьбе редко персонифицировалось, редко приобретало индивидуальные контуры. Лишь с пробуждением интереса к человеку кристаллизуется новое представление о судьбе — индивидуальной. Судьба привязывается к человеку по случаю или по его личной воле. Таков, например, мотив рукописания, выданного дьяволу; это рукописание становится источником несчастий человека, его конечной гибели. В России в XVII в. мотив такого рукописания организует сюжет обширной повести о Савве Грудцыне, выдавшем бесу рукописание на свою душу и тем связавшем свою волю на всю жизнь.

Оторвавшись от своих родителей, уходя все дальше и дальше от родного дома, безвестный молодец «Повести о Горе-Злочастии» живет собственной индивидуальной судьбой. Его судьба — Горе-Злочастие — возникает как порождение его боязливого воображения. Первоначально Горе «привиделось» молодцу во сне, чтобы тревожить его страшными подозрениями:

Откажи ты, молодец, невесте своей любимой —
быть тебе от невесты истравлену,
еще быть тебе от тое жены удавлену,
из злата и сребра бысть убитому.

Горе советует молодцу пойти «на царев кабак», пропить свое богатство, надеть на себя «гуньку кабацкую».

За нагим то Горе не погонитца,
да никто к нагому не привяжетца.

Молодец не поверил своему сну, и Горе вторично тревожит его во сне:

Али тебе, молодец, неведома
нагота и босота безмерная,
легота, безпроторица великая?
На себя что купить, то проторится,
а ты, удал молодец, и так живешь.
Да не бьют, не мучат нагих-босых,
и из раю нагих-босых не выгонят,
а с тово свету сюды не вытепут,
да никто к нему не привяжется,
а нагому-босому шумить розбой.

С разительной силой развертывает повесть картину душевной драмы молодца, постепенно нарастающую, убыстряющуюся в темпе, приобретающую фантастические формы.

Порожденное ночными кошмарами, Горе вскоре появляется молодцу и наяву, в момент, когда молодец, доведенный до отчаяния нищетой и голодом, пытается утопиться в реке. Оно требует от молодца поклониться себе до «сырой земли» и с этой минуты неотступно следует за ним. Молодец хочет вернуться к родителям, но Горе «наперед зашло, на чистом поле молодца встретило», каркает над ним, «что злая ворона над соколом»:

Ты стой, не ушел, доброй молодец!
Не на час я к тебе, Горе злочастное, привязалось,
хощь до смерти с тобою помучуся.
Не одно я, Горе, еще сродники,
а вся родня наша добрая,
все мы гладкие, умилныя,
а кто в семью к нам примешается,
ино тот между нами замучится,
такова у нас участь и лутчая.
Хотя кинся во птицы воздушныя,
хотя в синее море ты пойдешь рыбою,
а я с тобою пойду под руку под правую.

Тщетно пытается молодец уйти от Гора: он не может уйти от него, как не может уйти от самого себя. Прогоня за молодцем приобретает фантастические, сказочные очертания. Молодец летит от Гора ясным соколом — Горе гонится за ним белым крачуетом. Молодец летит сизым голубем — Горе мчится за ним серым ястребом. Молодец пошел в поле серым волком, а Горе за ним с борзыми собаками. Молодец стал в поле ковыль-травой, а Горе пришло с косою острою.

... да еще Злочастье над молотцем насмеялось:

«Быть тебе, травонка, посеченой,
лежать тебе, травонка, посеченой
и буйны ветры быть тебе развеяной».

Пошел молодец в море рыбою,
а Горе за ним с щастыми неводами,
еще Горе злочастье насмеялось:

«Быть тебе, рыбонке, у бережку уловленной,
быть тебе да и съеденой,
умереть будет напрасною смертию».

Молодец пошел пеш дорогою,
а Горе под руку под правую.

Избыть Горе, босоту и наготу можно лишь смертью или уходом в монастырь. Говорит Горе молодцу:

Бывали люди у меня, Гора,
и мудряя тебя и досужае...
не могли у меня, Гора, уехати,
нани они во гроб вселилися,
от мене накрепко они землею накрылися.

Молодец предпочитает уйти в монастырь. Накрепко закрывшиеся за ним монастырские ворота оставляют Горе за стенами монастыря. Так Горе «довело» молодца до иноческого чина. Этой развязкой, трагизм которой резко подчеркнут в повести, заключается рассказ о судьбе молодца. Жалея своего неудачливого героя, автор не умеет еще найти для него выхода и заставляет его в монастыре отгородиться от жизни. Так иногда решали для себя душевные конфликты и передовые сильные люди второй половины XVII в.: А. Л. Ордын-Нащокин, крупный политический деятель, кончил жизнь в монастыре.

* * *

Чрезвычайно важна для русской литературы всего времени ее существования идея судьбы как «двойника» человека. Это одна из «сквозных тем русской литературы». Причем это не мистическая идея и не слишком отвлеченная, хотя известная степень «отвлеченности» свойственна любому виду художественного творчества. Двойник «Повести» — художественное воплощение какого-то «чужого» начала в человеческой личности. Когда человек не может справиться в самом себе с каким-то овладевшим им пороком, страстью, даже чертой характера, как бы остающейся ему

чужой, воспринимаемой человеком как какое-то «не-я», — тогда именно возникает представление о каком-то «привязавшемся», «неотвязном» существе — чуждом и одновременно «нечуждом» этому человеку. Это — несчастье человека, его судьба, — непременно злая судьба, рок, доля, двойник человека. Этот двойник преследует человека, отражает его мысли, при этом недобрые мысли, губительные для него, в которых он как бы не виноват и которые его и не его одновременно.

Между двойником несчастного человека и этим последним устанавливаются отношения родства и одновременно отчужденности, отстраненности. Двойник губит человека и вместе с тем «искренне» желает ему «успокоения» — в могиле ли, в монастыре ли, в тюрьме или в доме для умалишенных.

Как это ни странно, но доля, судьба, горе, явившееся и привязавшееся к человеку как «эманация» его «я», его личности, снимают с него вину и ответственность за его дурные поступки. Несчастного человека, к которому привязалось его «горе», обретшее человеческий облик, читатель не осуждает и не отвращается от него — он его жалеет. Поэтому идея «двойничества», как это ни странно может показаться на первый взгляд, неразрывно связана с самыми гуманными идеями литературы, с жалостью к маленькому человеку. А вместе с тем эта идея двойничества чрезвычайно богато развита в художественной литературе, порождая в ней самые разнообразные сюжеты.

Бегло проследим развитие темы злой судьбы, воплощающейся в двойника обездоленного человека, в русской литературе XII—XX вв. Начало этой темы восходит к «Молению» Даниила Заточника. Даниил, кем бы он ни был по своему положению, — человек обездоленный, т. е. лишенный своей доли, счастливой судьбы, и в котором эта его доля, ставшая благодаря своему отделению от Даниила злой, несчастливой, воплотилась пока еще только в его воображении. Он как бы ищет выхода из своей обездоленности, примеривая к себе различные жизненные положения. Вот он женится в своем воображении на богатой, но злообразной жене, т. е. на жене и безобразной и злой из-за своей уродливости. Вот он становится шутком, скоморохом у богатого князя и собирается «дуть в утку кадь», «гоняться после шершня с метлою о крохи», «скакать с высокого столпа по горохово зерно», «ездить верхом на свинье» и т. д. Это разные скоморошьи перевоплощения, но они уже близко подходят к появлению двойника. Еще ближе к теме двойника различные поучения о пьянстве, где пьяный человек, не владея собой, помимо своей воли совершает различные губящие его поступки и не может совладать с собой. «Слово о Хмеле» XV в. представляет уже во всей своей полноте отделение его доли-судьбы от отдавшего Хмелю человека. Хмель — это первое и полное воплощение двойника главного героя.

XVII в. дает нам новые примеры многих и разнообразных воплощений двойников. Прежде всего — это «Повесть о Савве Грудцыне», которому под влиянием непреодолимой появившейся в нем страсти к чужой жене является в конце концов — как двойник, в виде слуги, но на самом деле его бес, служащий ему в виде слуги и склоняющий его к различным

безрассудным поступкам, но зато берущий с него «рукописание», по которому он продает свою душу дьяволу.

Двойники, один другого, — герои «Повести о Фоме и Ереме». Оба дублируют друг друга, оба неудачники, оба находятся друг с другом в ироническом положении: то, что делает один — как бы насмешка над другим. Ирония — неизбежный, постоянно сопутствующий теме элемент отношения двойника к своему герою. Двойник как бы заботливо (поэтому-то он часто слуга) относится к своей жертве, любя сводит его в могилу, ведет к пропасти — монастырю, кабаку, дому умалишенных. Расписывает ему все «прелести» будущего его жития в несчастье. Льстиво его ободряет и прельщает. Этот элемент иронии есть и в отношении Горя к своей жертве в «Повести о Горе-Злочастии». На это указал в свое время американский исследователь «Повести» Н. Ингхэм.⁶

В новое время тема двойника полнее всего раскрывается в повести Достоевского «Двойник» и в романе «Братья Карамазовы». В обоих произведениях по-разному.

В «Двойнике» герой ее Голядкин (т. е. человек тоже по-своему «голый») оказывается в роковых объятиях своего двойника, доводящего его до дома умалишенных, где он получает казенную квартиру «с дровами, с лихт (освещение. — Д. Л.) и с прислугой, чего ви недостойн». В «Братьях Карамазовых» двойник Ивана Карамазова — черт, он же его слуга и «незаконный братец» Смердяков (как и в «Повести о Савве Грудцыне»). Этот двойник также пошл, как и большинство двойников, также плохо одет и обыден, также самоуверен и льстив, строит из себя помощника, служит слугой, появляется сперва, как и большинство двойников, во сне, в бреду; слова двойника сплетаются с мыслями его жертвы. Его соблазны преподносятся в льстивой и вкрадчивой манере, за которой кроется ирония, а в «Двойнике» Достоевского и презрение благополучного карьериста.

* * *

Итак, в повести нет конфликта между двумя поколениями. Молодец — не новый человек, он не пытается противопоставить какие-то новые идеи старозаветной морали средневековья. Последняя в сущности сведена в повести к немногим правилам житейской практики. Повесть рисует «злую немерную наготу и босоту и бесконечную нищету», «недостатки последние» безымянного молодца.

Повесть с сочувствием, с лирической проникновенностью и драматизмом дает образ безвольного бездомного бродяги-пропойцы, дошедшего до последней степени падения. Это один из самых невзрачных персонажей, какие когда-либо изображала русская литература. Не ему, конечно, быть представителем нового поколения, новых прогрессивных идей. И вместе с тем не осуждение неудачливого молодца, не сумевшего жить по житейским правилам окружавшего его общества, а теплое сочувствие его судьбе выражается в повести. В этом отношении «Повесть о Горе-Злочастии» — явление небывалое, из ряда вон выходящее в древней русской литературе,

всегда суровой в осуждении грешников, всегда прямолинейной в различении добра и зла.

Впервые в русской литературе участием автора пользуется человек, нарушивший житейскую мораль общества, лишенный родительского благословения, слабохарактерный, остро сознающий свое падение, погрязший в пьянстве и азартной игре, сведший дружбу с кабацкими питухами и костарями, бредущий неведомо куда в «гуньке кабацкой», в уши которого «шумит разбой».

Впервые в русской литературе с такою силою и проникновенностью была раскрыта внутренняя жизнь человека, с таким драматизмом рисовалась судьба падшего человека. Все это свидетельствовало о каких-то коренных сдвигах в сознании автора, не совместимых со средневековыми представлениями о человеке.

Вместе с тем «Повесть о Горе-Злочасти» — первое произведение русской литературы, которое так широко решило задачи художественного обобщения. Почти все повествовательные произведения древней русской литературы посвящены единичным случаям, строго локализованы и определены в историческом прошлом. Действия «Слова о полку Игореве», летописи, исторических повестей, житий святых, даже позднейших повестей о Флоре Скобееве, Карпе Сутулове, Савве Грудцыне строго связаны с определенными местностями, прикреплены к историческим периодам. Даже в тех случаях, когда в произведение древней русской литературы вводится вымышленное лицо, оно окружается роем исторических воспоминаний, создающих иллюзию его реального существования в прошлом.

Историческая достоверность или видимость исторической достоверности — необходимое условие всякого повествовательного произведения Древней Руси. Всякое обобщение дается в древних русских повестях через единичный факт. Строго исторический факт похода Игоря Северского дает повод к призыву русских князей к единению в «Слове о полку Игореве»; исторические события положены в основу повестей о рязанском разорении, рисующих ужас Батыева нашествия, и т. д.

Резко разойдясь с многовековой традицией русской литературы, «Повесть о Горе-Злочасти» повествует не о единичном факте, стремясь к созданию обобщающего повествования. Впервые художественное обобщение, создание типического собирательного образа, встало перед литературным произведением как его прямая задача.

Безвестный молодец повести не носит признаков местных или исторических. В повести нет ни одного собственного имени, ни одного упоминания знакомых русскому человеку городов или рек; нельзя найти ни одного хотя бы косвенного намека на какие-либо исторические обстоятельства, которые позволили бы определить время действия повести. Только по случайному упоминанию «платья гостиного» можно догадаться, что безымянный молодец принадлежал к купечеству.

Откуда и куда бредет несчастливый молодец, кто были его родители, невеста, друзья, — все это остается неизвестным: освещены лишь важнейшие детали, преимущественно лица, психология которых резко подчеркнута.

Все в повести обобщено и суммировано до крайних пределов, сосредоточено на одном: на судьбе молодца, его внутренней жизни. Это своеобразная монодрама, в которой окружающие молодца лица играют подсобную, эпизодическую роль, оттеняя драматическую судьбу одинокого, неизвестного человека, лица собирательного, подчеркнуто вымышленного.

Первое произведение русской литературы, сознательно поставившее себе целью дать обобщающий, собирательный образ, вместе с тем стремится и к наибольшей широте художественного обобщения. Невзрачная жизнь невзрачного героя осознается в повести как судьба всего страдающего человечества. Тема повести — жизнь человека вообще. Именно поэтому повесть так тщательно избегает всяких деталей. Судьба безымянного молодца изображается как частное проявление общей судьбы человечества, немногими, но выразительными чертами представленной во вступительной части повести.

Глубокий пессимизм самого замысла «Повести о Горе-Злочастии» следует, быть может, поставить в связь с тем, что автор ее мог наблюдать в реальной русской действительности второй половины XVII в. Экономический кризис, приведший в это время к многочисленным крестьянским и городским восстаниям, породил толпы обездоленных людей, которые разбредались из сел и городов, скитались «межд двор» и уходили на окраины государства. Сочувствуя этим оторвавшимся от своей среды, разоренным, бездомным людям, автор повести шире и глубже обобщил то историческое явление, которое дало тему сатирической «Азбуке о голом и небогатом человеке». Хотя и лишённая сатирической направленности «Азбуки», «Повесть о Горе-Злочастии» нарисовала тем не менее выразительную картину «бесконечной нищеты», «безмерных недостатков», «наготы и босоты». Как и автору «Службы кабаку», пропившийся молодец представляется автору повести не «грешником» средневековых сочинений о пьянстве, а несчастным, заслуживающим сожаления человеком.

* * *

Сильно сказываются фольклорные начала и прежде всего в образе Гора-Злочастья. И в сказках, и в лирических песнях о Горе ему отводится активная роль, а человек лишь терпит навлекаемые на него Горем беды. В песнях только могила избавляет героя от преследующего его Гора — в повести могила заменена монастырем. Лишь в некоторых сказках герою удается хитростью отделаться от Гора (запирает его в сундук, зарывает в яму и т. д.).

Народные песни о Горе как женской доле широко распространены в русском, украинском и белорусском фольклоре. Они хранят на себе несомненные следы дохристианских взглядов на Горе и Долю как на прирожденные человеку. В женских песнях Горе показано неизбывным, неотступно преследующим человека всемогущим существом. Автор повести повторил без изменения песенную характеристику Гора в том монологе, который Горе произносит наедине, еще до своего появления перед молодцем, и в изображении превращений Гора, преследующего молодца:

Здесь сохранены все очертания женских песен о Горе: Горе хвалится, что оно принесло людям «и мудряе» и «досужае» молодца «злочастие великое»:

... до смерти со мною боролися,
во злом злочастии позорилися,
не могли у меня, Гора, уехати,
нани они во гроб вселилися,
от мене накрепко они землею накрылися,
босоты и наготы они избыли,
и я от них, Горе, миновалось,
а злочастие на их в могиле осталось.

Женские песни о Горе оканчиваются тем же мотивом:

Я от горя в сыру землю пошла, —
За мной горе с лопатой идет,
Стоит горе выхваляется:
«Вогнало, вогнало я девицу в сыру землю!»⁷

Рассказ повести о том, как Горе нагоняет молодца, задумавшего уйти от него к родителям, художественно развивает песенную тему преследования девушки Горем. В песнях Горе так преследует девушку:

Я от горя во чисто поле,
И тут горе — сизым голубем...
Я от горя во темны леса, —
И тут горе — соловьем летит...
Я от горя на сине море, —
И тут горе — серой утицей!⁸

Взяв основные внешние очертания образа Горя-Злочастия из лирических песен, автор повести своеобразно переосмыслил фольклорный тип Горя — судьбы человека, данной ему от рождения на всю жизнь. В повести Горе появляется во время странствий молодца, притом сначала во сне, как будто это образ, рожденный его расстроенной мыслью. Но вместе с тем само Горе предварительно показано как существо, живущее своей особой жизнью, как могучая сила, которая «перемудрила» людей «и мудряе» и «досужае» молодца. Обращает на себя внимание и то, что к каждому моменту повести автор приурочил появление рядом с молодым Горем. Молодец «наживал живота большы старова, присмотрел невесту себе по обычаю» и «похвалился» своими успехами. Вот тут-то и настигла его «пагуба» в лице Горя, потому что «всегда гнило слово похвальное, похвала живет человеку пагуба». Горе привязалось к человеку как бы в наказание за нарушение этого запрещения похвальбы. Этот момент совершенно чужд фольклорному пониманию Горя, которое приносит человеку счастье или несчастье независимо от его поведения. Независимы от песен и детали изображения встречи Горя с молодым: появление Горя во сне, да еще под видом архангела Гавриила, советы уйти от невесты, пропить имущество, убить, ограбить. Самостоятельно повесть рассказывает и о том, как постепенно Горе подбирается к молодцу.

Лирические песни о Горе, а, может быть, и песни о разбойниках, в которых разбойники сочувственно называются «детинушками», «сиротинушками, бесприютными головушками», отразились, вероятно, на общем лирически задуманном тоне «Повести о Горе-Злочастии».

Наконец, в повести есть и прямая стилизация лирической песни в «хорошей напевочки», которую молодец поет на «крутом красном бережку», поверив Горю, что «в горе жить — некручинну быть»:

Беспечална мати меня породила,
гребешком кудерцы розчесывала,
драгими порты меня одеяла
и отшед под ручку посмотрела,
хорошо ли мое чадо в драгих портах? —
А в драгих портах чаду и цены нет.
Как бы до веку она так пророчила!
Ино я сам знаю и ведаю,
что не класти скарлату без мастера,
не утешыти детяти без матери,
не бывать бражнику богату,
не бывать костарю в славе доброй.
Завечен я у своих родителей,
что мне быти белешенку,
а что родился головенкою.

Источником этой «напевочки» некоторые исследователи считали песню «Ай горе, горе гореваньце», включенную в сборник Кирши Данилова. Здесь действительно есть выражения, сходные с повестью, притом не только в «напевочке», но и в других эпизодах: «... а в горе жить — некручинну быть», «... что не класти скарлату без мастера <...> не бывать бражнику богату» (в песне «гулящему»), «... еще лычком Горе подпоясано». Однако эти совпадающие выражения носят поговорочный характер и могли быть самостоятельно использованы и в песне, и в повести.

Если лирические песни помогли автору создать художественный образ Горя, «напевочку» и подсказали эмоциональное отношение к молодцу, то былиной традиции, на связь с которой указывал Н. Г. Чернышевский, автор обязан прежде всего ритмическим построением всей повести. С небольшими исправлениями текста в списке XVIII в. академику Ф. Е. Коршу удалось восстановить стихотворный размер повести: былевой стих с четырьмя ударениями — двумя главными и двумя второстепенными (всего в повести 481 стих).

Приемы и формулы былиного стиля, общие места встречаются в «Повести о Горе-Злочастии» в изобилии, хотя и в слегка измененном виде: приход на пир («... крестил он лице свое белое, поклонился чудным образом, бил челом он добрым людем на все четыре стороны») и далее уже ближе к былинному («... горазд он крестится, ведет он все по писанному учению» и т. д.); грусть на пиру («... молодец на пиру не весел седит, кручиноват, скорбен, нерадостен»); повторения и синонимические сочетания («за питья за пьяныя», «глупыя люди, немудрыя», «обмануть-солгать», «пияни-веселы», «роду-племени» и т. д.). Постоян-

ные устно-поэтические, былинные эпитеты в повести сочетаются с теми же предметами, что и в фольклоре («зелено вино», «почестен пир», «серый волк», «сыра земля», «удал молодец» и т. д.), а Горе, в первый раз появившись перед молодцем, даже «богатырским голосом воскликано».

С духовными стихами повесть сближается во вступительной части и в последних строках, заметно выделяющихся и своим книжным языком.

Наличие немногих книжных элементов в композиции и языке «Повести о Горе-Злочастии» не скрывает, однако, того несомненного факта, что преобладающее значение в поэтике автора принадлежит народному стихосложению, фольклорным образам, устно-поэтическому стилю и языку. Но именно обилие разнородных связей с различными жанрами народной поэзии особенно убедительно говорит за то, что «Повесть о Горе-Злочастии» представляет собой произведение не народного, а книжно-литературного творчества. В целом эта «Повесть» находится вне жанровых типов народной поэзии: ее автор создал новый оригинальный вид лиро-эпического повествования, в котором своеобразно сочетаются, в соответствии с художественным замыслом, индивидуально воспринятые устно-поэтические стилевые традиции с отголосками средневековой книжности.

«Повесть о Горе-Злочастии», сохранившаяся лишь в одном списке XVIII в., обнаруживает не только композиционную, но и стилистическую связь с несколькими вариантами песен о Горе и добром молодце. В. Ф. Ржига, анализируя эти песни, пришел к выводу, что «зависимость их от повести совершенно очевидна. Несмотря на свое различие, все они относятся к повести как более или менее реформированные копии к своему художественному оригиналу и таким образом действительно являются фольклорными лиро-эпическими ее дериватами».⁹ Однако вопрос о происхождении песен о Горе и добром молодце заслуживает еще более углубленного исследования.

¹ Современник, 1856, март, отд. 1, с. 49—51.

² Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. Пгр., 1918, т. 2, с. 612—615.

³ Живая старина, 1913, вып. 1—2, с. 17—24.

⁴ Литературу о «Повести о Горе и Злочастии» см.: *Виноградова В. Л.* Повесть о Горе-Злочастии (библиография). — В кн.: Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1956, т. 12, с. 622—641.

⁵ *Буслаев Ф. И.* Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб., 1861, т. 1, с. 548—649.

⁶ *Ingham N. M.* Irony in Povest' o Gore i Zločastii. — *Slavic and East European Journal*, 1980, vol. 24, N 4, p. 333—347.

⁷ См. с. 70 наст. изд.

⁸ См. с. 71 наст. изд.

⁹ *Ржига В. Ф.* Повесть о Горе-Злочастии и песни о Горе. — *Slavia*, 1931, год. 10, seš. 2, s. 308.